

УДК 811.111

АБСТРАКТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Е. В. Пупынина*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
pupynina@bsu.edu.ru*

Абстрактные существительные составляют значительный слой лексики любого языка. Статья посвящена описанию особенностей абстрактных существительных английского языка, обуславливающих их особый статус. Рассматривается вклад данного класса слов в формирование синонимических ресурсов языка и показана их роль в коммуникации.

Ключевые слова: абстрактные существительные, синонимия, английский язык, концепт, прагматика.

Понятие абстракции является одним из наиболее неоднозначных и трудных для понимания. Проблема определения абстрактного начинается с вопроса о том, существует ли четкое видение того, где проходит граница абстрактного и конкретного. Для полноценного рассмотрения этой проблемы требуется обращение к данным других дисциплин, таких, как философия, логика, психология. Абстракция рассматривается логикой в связи с различными видами понятий. Антиномия «конкретное / абстрактное» относится к числу основных в философии. Психология изучает это явление в контексте развития познавательных процессов. Тот факт, что в концептуальной системе сосредоточено знание, поступающее из разных репрезентационных модулей, свидетельствует о необходимости учитывать данные психологии восприятия. Из разнообразия трактовок понятия абстракции в области перечисленных наук проистекает его неоднозначность в лингвистике. Не всякая лингвистическая теория может предложить такую же подробную, логичную и объективную концепцию абстрактных имен, какую она может предложить для конкретных имен.

Возможность обращения одновременно и к онтологии, отражающей формальные модели мира, и к психологии, психолингвистике, занимающимся построением экспериенциальных моделей мира, представляется оправданной, так как названные типы моделей имеют главную общую черту: и те, и другие являются абстракцией одних и тех же аспектов опыта взаимодействия человека с одним и тем же миром. Л.О. Чернейко отмечает: «выделение словом какого-либо фрагмента действительности и осознание содержания самого слова – это разные ментальные действия: в одном случае внимание (и сознание) направлено на внешний объект (если это конкретное имя), а в другом – внимание направлено на сознание. Л. Витгенштейн различал даже взгляды, сопровождающие эти действия: «сосредоточенный взгляд» при восприятии внешнего объекта и «отсутствующий» при восприятии собственно сознания. Хотя, как кажется, отсутствующий взгляд – свидетельство сосредоточенности внутреннего взора» [14 с. 102]. Представляется, что однозначно соотнести содержание абстрактных существительных с выделяемыми ими фрагментами действительности очень трудно. Спектр обозначаемых ими фрагментов очень широк. Но и для того, чтобы идентифицировать последние, необходим учет дейксиса, анафорических, катафорических связей. Абстрактные существительные считаются информативно недостаточными, в тексте компенсируются их смысловая неполнота и неоднозначность. Это указывает на нестабильность их смыслового объема.

С точки зрения логики, абстрактность предполагает более бедное содержание. Элементарное логическое отношение объема и содержания заключается в том, что бо-

лее содержательные признаки обладают меньшим объемом, и наоборот, признаки меньшего объема более содержательны. Это обратное соотношение в классической логике, в соответствии с которым считается, что у абстрактных слов меньше объяснительных способностей, чем у конкретных. Когнитивный анализ, в отличие от логического, предполагает выход за пределы собственно языкового значения и рассмотрение языкового значения в соотношении с концептуальным содержанием. Последнее является тем когнитивным контекстом, который обуславливает понимание языковой единицы в множественности проявлений ее значения в речи.

В связи с последним, важно отметить отличие концептуальной области от внутриязыкового контекста, понимаемого в терминах лексико-семантического поля, которое отражает парадигматические внутрисистемные связи между языковыми единицами. Лексико-семантическое поле предполагает зависимость слова от других в определенном семантическом пространстве. Поэтому для определения значения отдельного слова требуется понимание его позиции в этом поле. Выделение концептуальной области не требует такого соотношения выражающих ее слов и, по мнению Ч. Филлмора, допускает возможность знания слова, даже если ничего не известно о других словах этой лексической области [12, с. 62]. На разницу семантического и концептуального анализа указывала Е.С. Кубрякова, отмечая нетождественность их целей. Первый направлен на экспликацию семантической структуры слова, второй идет к знаниям о мире [8, с. 85].

Анализ концептуального содержания абстрактных существительных возможен через его представление в словарных дефинициях. В результате такого анализа выявляются концептуальные области, вербализуемые существительными. Выделение концептуальных областей позволяет определить, какая часть их содержания фиксируется значениями существительных, а также выяснить, как существительные актуализируют соответствующие концептуальные области, приобретают различные смыслы в процессе функционирования, очерчивая тот или иной их участок. Обращение к словарному значению обосновывается тем, что лексикографические описания представляют собой конвенциональные, общепринятые способы осмысления слова, общие для социума, говорящего на данном языке. Поэтому анализ словарных дефиниций раскрывает концептуальное содержание коллективного знания. Вслед за другими исследователями, мы понимаем под дефиницией существительного структуру знания, связанную с обозначенным этим существительным объектом. В дефиниции выделяется слово-идентификатор, которое позволяет опознать концептуальную область, актуализируемую данным существительным [10].

Исследование показывает, что абстрактные слова определяются в словарях лингвистически: друг через друга или посредством конкретизации. Из этого следует, что названные существительные представляют собой языковые корреляты единиц разного уровня категоризации, а также то, что в значении этих языковых единиц фиксируются примерно одинаковые способы семантического осмысления, то есть концептуализации аспектов действительности.

Анализ вербализуемых абстрактными существительными концептуальных областей показывает ориентированность картины мира на человека. Некоторые дефиниции абстрактных существительных состоят из двух частей. Одна из них отражает знание о том идеальном объекте мира, который обозначается данным существительным, о его характеристиках, отличительных чертах, составляющих частях, другая – знание о том, что этот объект вовлечен в определенный вид деятельности, то есть это пропозициональная часть дефиниции, мотивирующая выполнение существительным той или иной семантической роли в пропозициональной структуре высказывания.

Известно, что объект, обозначаемый существительным, понимается как участвующий в особой, предназначенной ему в действительности, по природе, деятельности, что и отражается в психике человека. «Репрезентация», – пишет Е. Бейтс, – «определяется как вызывание в памяти различных процедур действия для оперирования

с объектом при отсутствии перцептивного подкрепления со стороны объекта. Как таковое, развитие репрезентации связано с памятью на отсутствующие объекты и их пространственное расположение» [2, с. 95]. На уровне репрезентации такое естественное участие объекта в действительности отражается в конгруэнтности именного и глагольного компонентов пропозиции друг другу, в их семантическом согласовании. Это значит, что если обозначаемый существительным объект входит в классы разного рода, то естественное использование его различно, и структуры деятельности, в которых он участвует, также различны. Это положение не всегда оказывается верным в отношении абстрактных слов. Они могут обозначать разные объекты мысли в одинаковом контексте, ср.: *occupy a place* (job), *occupy a place* (space). Исходя из этого, можно предположить, что знание человеком значения данных существительных менее сосредоточено вокруг предметного элемента этого значения, то есть знание об обозначаемых существительным объектах действительного мира подавляется другим знанием – знанием их функциональности, включенности в событие. В семантической репрезентации этих существительных должен быть ядерный компонент, который протягивает нити к разным концептуальным областям, подводя их под «тело одного знака».

В рамках исследований, признающих некоторые десемантизированные абстрактные слова выражающими базовые концепты [5, 20], объяснение таких особенностей «поведения» лексической единицы представляет значительные трудности. Базовые концепты в названной концепции – это примитивы, которые считаются самоочевидными, самодостаточными и не могут быть определены.

Согласно теории генеративного лексикона, примитивами следует считать не набор концептов, а механизмы порождения [16]. Действительность отражается в концептуальной системе человека, которая приобретает структуру в процессе порождения концептуальных типов на основе организующего принципа Смысловых ролей. Таким образом, базовые концепты являются смыслопорождающими, но не статичными, каковыми они оказываются в названных выше теориях, поэтому отношение концепт – выражающее его слово нельзя понимать как устойчивое, оно всегда динамичное, разное в каждом акте порождения.

Можно провести аналогию данного взгляда с рамочными концептами Ю.С. Степанова. У таких концептов есть некоторый основной актуальный признак, который составляет их главное содержание и является той рамкой, которая может «примериваться, накладываться» на тот или иной фрагмент действительности [11]. Концепты абстрактных сущностей, учитывая множественность отраженных в них фрагментов действительности, можно считать рамочным.

Важным элементом языкового знания, через которое содержание абстрактного слова выводится на поверхность, является сочетаемость. Согласно традиционным формальным представлениям, существительные обозначают предметы. «Существительное – класс однозначных слов, который включает в себя названия предметов и одушевленных существ и может выступать в предложении по преимуществу в качестве подлежащего и дополнения. Существуют объективные основания для отличия имен от слов других типов. Внеязыковым основанием служит то, что имя обозначает вещь, тогда как глагол – признак или отношение, различие же этих внеязыковых сущностей объективно и не зависит от языка» [4, с. 499, 175].

Некоторые исследователи отмечают, что предметная интерпретация существительного очень упрощает представление о картине мира. Например, Э. Бенвенист считает такую точку зрения неприемлемой для лингвиста, отмечая, что если что-то – объект, то только потому, что оно является существительным. «Дело в том,» – пишет Э. Бенвенист, «что такие понятия, как процесс или объект, не воспроизводят объективных свойств действительности, но уже являются результатом языкового выражения действительности. Это не свойства, внутренне присущие природе, которые языку остается лишь регистрировать, это категории, возникшие в некоторых языках и спроецированные на природу» [3, с. 69].

Считается, что существительные имеют множество свойств, не связаны с определенной ситуацией, поэтому они семантически нестабильны и не способны иметь жесткую сочетаемость. В связи с этим им приписывается функция классификации мира. При этом признается, что основное отличие существительных от глаголов состоит в отсутствии у них аргументной структуры. Единственным аргументом, существование которого в структуре существительного считается возможным, является его референт [17, 18]. В. фон Гумбольдт писал: «Нельзя себе представить, чтобы создание языка начиналось с обозначения словами предметов, а затем уже происходило соединение слов» [6, с. 90]. В философии языка принято считать, что степень конкретности/абстрактности элемента обусловлена синкретизмом его восприятия. Е. С. Кубрякова отмечает: «... в однородной или же полностью гомогенной среде выделить что-либо просто невозможно, а потому строго говоря, как только что-то выделяется, срабатывает эффект противопоставления фона и фигуры. Но тогда речь может идти лишь о том, что в фокусе внимания оказываются либо объекты, либо их движение или же действия с ними. В любом из этих случаев налицо противопоставление чего-то чему-то» [9, с. 89]. Это подтверждает высказанную ранее мысль о том, что за абстрактным существительным в концептуальной системе стоит целый комплекс идей, объединенных очень обобщенной схемой отношений. Вследствие этого, значения абстрактных слов оказываются зависимыми от контекста и проявляется в сочетаемости. Это подтверждается также следующей идеей. «Понятие абстракции всегда было трудно объяснимым для лингвистической семантики. Абстракции не являются именами вещей, но они также и не простые предикаты или предикации. Скорее всего, их надо рассматривать как имена сложных ситуаций, и часто они используются в предложениях, содержащих определенный комментарий к этим сложным ситуациям» [13, с. 348].

Все сказанное показывает, что установление точных критериев конкретности / абстрактности является чрезвычайно сложным, если вообще возможным, в то время как отличие абстрактного и конкретного легко ощущается на интуитивном уровне. Так, можно сказать, что *artist* является более абстрактным, чем *book*, хотя оба слова называют объекты видимого, эмпирически познаваемого мира. В то же время, можно сказать, что называющие сущности умопостигаемого, идеального мира существительные *power* и *state* также отличаются друг от друга степенью абстрактности.

Опираясь на общее положение когнитивной лингвистики об отсутствии четких границ между категориями, можно утверждать, что не существует четкой границы и между конкретным и абстрактным. Слова можно охарактеризовать только как более или менее абстрактные в ряду других слов.

Роль абстрактных слов в системе языка и в речи трудно переоценить. Достаточно показательным является их существенный вклад в развитие синонимических средств языка: количественно они превосходят конкретные имена. Так, в тезаурусе Роже большая часть лексики – абстрактная, если в эту категорию включать все многообразие лексики (отвлеченной, обобщенной, собственно абстрактной), противопоставляемой конкретным единицам языка. Кроме того, что абстрактные слова используются Роже [24] для названия категорий: классов (*class*), подклассов (*division*), групп внутри подклассов, заглавных слов, они преобладают в синонимической статье. Рассматривая структуру синонимических статей в тезаурусе Роже, В. Хюллен отмечает, что, хотя многие статьи имеют свою собственную организацию, перечисление синонимов в первом абзаце идет от более абстрактных к более конкретным, в последующих абзацах, как правило, дается конкретная лексика [19, с. 352]. Например, статья 319 Gravity, входящая в I. Matter in general, Class III. Matter, включает следующие слова (приводятся в сокращенном виде):

Gravity, weight, heaviness, gravitation, ponderosity, ponderousness, pressure, load, burden, ballast, a lump, mass.

Lead, a millstone, mountain.

Science of gravity, Statistics.

В исследованиях, посвященных изучению признаков, составляющих абстрактные и конкретные концепты [23, 25], показано, что концепты конкретных предметов включают знание «внутренних», присущих самому объекту свойств (свойства, структура, материал), в то время как абстрактные концепты включают больше субъективных признаков, выражающих эмоциональное и оценочное отношение говорящего, и таксономических, характеризующих принадлежность объекта к определенному классу. Что касается наличия в абстрактных и конкретных концептах ситуационных признаков, отражающих связь объекта с другими объектами, явлениями, его вхождение в структуру действия, то они характеризуются качественным отличием. Абстрактные концепты больше связаны со знанием о социуме и культуре, духовной и интеллектуальной жизни человека. Кроме того, абстрактные концепты характеризуются большим количеством ассоциативных связей, для репрезентантов абстрактных концептов испытываемые называют больше синонимов.

Возможно, одно из объяснений отсутствия единого критерия определения синонимии заключается в том, что разные типы концептов в соответствии с указанными выше характеризующими их признаками предоставляют репрезентирующим их именам разную возможность вступления в синонимический ряд. Вряд ли имя-репрезентант концепта природных объектов будет иметь широкие синонимические связи. То же утверждение верно и в отношении имен артефактов. В этом типе концептов доминирующими являются «внутренние» признаки. Для концептов артефактов также важную роль играют ситуационные признаки, отражающие функцию объекта. Так, большая часть синонимов, выражающих названные концепты, в *Oxford Learner's Thesaurus. A dictionary of synonyms* [22] демонстрирует гипо- и гиперонимические связи. Приведем в качестве примера несколько синонимических рядов из названного словаря:

rain, shower, rainfall, drizzle, monsoon, downpour;
stone, rock, boulder, pebble;
car, bus, vehicle, truck, van, lorry, coach, automobile;
chair, seat, couch, sofa, bench, stool, armchair, pew, throne;
envelope, file, folder, binder, clipboard, portfolio.

Признаки, отражающие функцию, могут становиться более выделенными в концептах естественных видов. Например, в тезаурусе Роже слово *horse* можно обнаружить в следующих разделах: *Class II Space, IV Motion, 1° Motion in General, 271 Carriers*. Такое отражение категоризации объясняется историко-культурным контекстом: во времена Роже лошади обеспечивали основное средство передвижения.

Синонимия имен артефактов, в отличие от гипо- и гиперонимических отношений, возможна при условии сохранения «внутренних» признаков и информации об основных функциях объекта. Примером являются синонимы *film* и *movie*, взаимозаменяемые почти во всех контекстах, кроме тех случаев, когда они выражают знание о дополнительных функциях: *film* – об эстетической, *movie* – о развлекательной. Сравните: *an art film, a film festival*, но не *an art *movie, a *movie festival*.

Психолингвистические исследования показывают, что конкретные существительные, обозначающие предметы, с которыми человек сталкивается (использует) в повседневной жизни, обладают большим коэффициентом образности. Между словом, называющим предмет, и образом этого предмета существует достаточно тесная связь. Как видно из данных выше примеров, изменение компонентов образа разрушает его, вызывая в сознании другой образ. Явление синонимии основано на варьировании компонентов концептуальных сущностей. Как упоминалось выше, за абстрактным существительным в концептуальной системе стоит целый комплекс идей, объединенных очень обобщенной схемой отношений. Изменение компонентов этого комплекса идей

возможно без разрушения этой схемы, что и порождает синонимические отношения языковых единиц. Более того, можно отметить определенную закономерность варьирования компонентов концептуального содержания. Например, целый ряд синонимов отражает варьирование компонента «степень проявления», который, в свою очередь, включает информацию об интенсивности, эмоциональном восприятии, продолжительности. Проиллюстрируем высказанное положение следующими синонимическими рядами:

attack, strike, invasion, raid, assault, offensive, aggression, incursion;
certainty, inevitability, necessity, a foregone conclusion, a sure thing;
approval, acceptance, agreement, favour, assent, blessing, thumbs up, acquiescence;
guilt, regret, remorse.

Таким образом, синонимическая продуктивность абстрактного существительного объясняется тем, что его семантический потенциал не может быть сведен к одному компоненту, а содержит дополнительную информацию о различных аспектах ситуации. Знание об элементе идеального мира включает не только информацию о его принадлежности к какому-либо классу идеальных сущностей, оно также формируется в результате восприятия его в отношениях и связях с другими элементами, на основе представления о его свойствах, осмысления его с точки зрения выполняемых функций и вовлеченности в деятельность человека.

Благодаря своему прагматическому потенциалу абстрактные слова выполняют особую роль и в речи. Как известно, прагматический слой значения слова включает информацию об отношении говорящего к обозначаемому, к адресату, а также информацию о прагматических функциях лексемы. Как отмечалось, абстрактные слова вербализуют концептуальное содержание, связанное с духовной жизнью человека, с жизнью в обществе. В связи с этим, они называют свойства и явления, за которыми в обществе закреплена определенная оценка. Например, по общему мнению носителей русской культуры, быть скупым – плохо. Однако эти слова не несут в себе информации об отношении говорящего. «Взять хотя бы скупость. Одна из русских пословиц гласит: «Скупость не глупость», то есть в принципе не исключено, что человек, характеризующий кого-либо как скупого, не выражает при этом собственного отрицательного отношения к его превышающему норму стремлению сохранять в своем владении принадлежащие ему материальные ценности. В отличие от этого, если используется для описания того же самого свойства слово скупердяй, то никаких сомнений в отрицательном отношении говорящего к этому свойству не возникает» [7, с. 89].

Однако Р.М. Блакар высказывает следующую мысль: «Идея о том, что наше – мое и твое – повседневное использование языка, наша непринужденная беседа предполагает осуществление господства, то есть влияние на восприятие мира и его структурирование собеседником – эта идея может показаться одновременно неожиданной и многообещающей» [15, с. 134]. Из этого следует, что нейтральное выражение мысли вряд ли возможно. В связи с тем, что абстрактные существительные обладают большой интерпретативной, субъективной, частью, возможно их использование в целях речевого воздействия, основанного на «вариативной интерпретации действительности средствами языка». Воздействующим эффектом может обладать не только варьирование, связанное с изменением стилистической окраски лексики, но и варьирование в рамках стилистически нейтральной лексики. Рассматривая предпосылки речевого воздействия, А. Н. Баранов приводит пример индефинитизирующего преобразования, которое приводит к замене конкретных предметов и участников более обобщенными описаниями, что увеличивает неопределенность в интерпретации ситуации: *военные действия* вместо *расстрел пленных, операции по спасению заложников* вместо *перевыкуп* и т. п. [1, с. 219].

Отчасти возможность воздействия, связанная с варьированием, существует благодаря явлению синонимии абстрактных существительных. Например, выбор сино-

нима из ряда *attack, strike, invasion, raid, assault, offensive, aggression, incursion* для именовании военных действий может передавать отношение к ситуации говорящего и формировать соответствующее восприятие ситуации у адресата сообщения.

Таким образом, говорящий может высказывать отношение к сообщаемому, не только используя возможность изменения стилистической окраски слов, но и используя возможность различной интерпретации действительности.

С этой точки зрения представляет интерес исследование фразеологических сочетаний, содержащих в качестве компонента локативное абстрактное существительное. Следует отметить, что они являются стилистически нейтральными. Компонент фразеосочетания или целый фразеологизм имеют обобщенно-переносное значение, а потому допускают разнообразное применение или же различные точки зрения при их употреблении. При использовании говорящим излишне абстрактного описания ситуации вместо употребления эквивалентного конкретного слова или свободного сочетания слов многое оказывается невысказанным.

В результате анализа было выявлено, что фразеологизмы с компонентом локативным существительным имеют прагматическую функцию уклонения от прямого выражения оценки. Прямое выражение оценки часто имеет коммуникативной целью оказание воздействия, влияния на собеседника. Когда оценка выражается косвенно, то, соответственно, и цель оказания воздействия остается скрытой. В качестве примера можно привести фразеологизмы, в которых выражается ситуация уклонения от прямого выражения оценки статуса говорящих: *to know one's place* 'знать свое место'; *to put smb in his (proper) place* 'ставить кого-либо на место'; *to show smb his place* 'показывать кому-либо его место'.

В словаре Longman Dictionary of Contemporary English даны следующие дефиниции [21]:

Know your place 'знать свое место' – to behave in a way that shows you know which people are more important than you.

Put smb in their place 'ставить на место' – to show someone that they are not as clever or important as they think they are.

Проиллюстрируем употребление одного из этих сочетаний в высказывании:

A few curt remarks from the chairperson soon put Bates in his place (BNC). – 'Несколько резких замечаний со стороны председателя быстро поставили Бейтса на место'.

Словарные дефиниции и приведенный пример показывают, что, выбирая это фразеологическое сочетание, говорящий ставит в фокус внимания то, что у каждого собеседника есть свой статус, свое место, а какой именно статус – это та оценка, которая остается невысказанной. Фактически же говорящий манипулирует образом действительности, ибо такое ее описание служит лишь фоном для того, чтобы подчеркнуть важность, значимость одного из участников коммуникации.

Кроме того, фразеологическое сочетание *put smb in their place* 'ставить на место' представляет действительность в более благоприятном свете, чем она могла бы быть представлена. Названное сочетание фиксирует в своем содержании положительный образ (*поставить на место* значит 'не давать зазнаваться, задирать нос'), маскируя информацию о способах достижения этой цели, о поведении другого участника ситуации. В некоторых ситуациях фразеологическое сочетание *put smb in their place* не только не содержит прямой оценки, но и маскирует непристойное поведение под косвенно выраженным положительным поступком.

Таким образом, выбор слов и сочетаний слов является эффективным инструментом речевого воздействия. Слова, выражающие один концепт, профилируют разные признаки концепта, а потому вызывают в сознании адресата сообщения разные

образы действительности. Если адресат не учитывает это варьирование языковых структур, то ему навязывается одна из нескольких возможных интерпретаций окружающей действительности, с точки зрения языкового воздействия, – та, которая угодна говорящему. В этом отношении абстрактные слова имеют воздействующий потенциал, обеспечивая говорящему реализацию его скрытых интенций, так как предоставляют возможность варьирования в интерпретации действительности.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
2. Бейтс Е. Интенции, конвенции и символы // Психолингвистика – М.: Прогресс, 1984. – С. 50 – 102.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. / Пер. с англ. А. Д. Шмелева; Под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 779 с.
6. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем., под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
7. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – 352 с.
8. Кубрякова Е. С. Об одном фрагменте анализа слова «память» // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 85 – 91.
9. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Общ. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84 – 92.
10. Панкрац Ю. Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней (на материале сложноструктурированных глаголов современного английского языка). Дис. ...д-ра филол. наук. – М.: РАН Ин-т языкознания, 1992. – 333 с.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
12. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52 – 93.
13. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Зарубежная лингвистика. III: Пер. с англ., нем., фр. / Общ. ред. В. Ю. Розенцвейга, В. А. Звегинцева, Б. Ю. Городецкого. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – С. 303 – 351.
14. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Изд. 2-е перераб. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 272 с.
15. Blakar R.M. Language as a Means of Social Power // Pragmalinguistics: Theory and Practice. – The Hague, 1979.
16. Busa F., Calzolari N., Lenci A., Pustejovsky J. Building a Semantic Lexicon: Structuring and Generating Concepts. – CiteSeer.IST: Scientific Literature Digital Library. [Online]. Available: <http://citeseer.ist.psu.edu>
17. Dowty D. On the semantic content of the notion 'thematic role' // Properties, types and meaning / G. Chierchia, V.H. Partee, R. Turner (eds.). – Dordrecht: Kluwer Academic Press, 1989. – P. 35 – 59.
18. Grimshaw J. Argument Structure. – Cambridge (Mass.); L.: The MIT Press, 1990. – 202 p.
19. Hüllen W. A. History of Roget's Thesaurus: Origins, Development, and Design. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
20. Levin B., Pinker S. Introduction to special issue of "Cognition" on lexical and conceptual semantics // Cognition. – Amsterdam, 1991. Vol. 41. – № 1 – 3. – P. 1 – 7.
21. Longman Dictionary of Contemporary English. – Edinburgh: Pearson Education Ltd., 2000. – 1668 p.
22. Oxford Learner's Thesaurus. A dictionary of synonyms. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – p. 1008.

23. Setti A., Caramelli N. Different Domains in Abstract Concepts. 2005. [Online]. Available: <http://www.cogsci.rpi.edu/CSJarchive/Proceedings/2005/docs/p1997.pdf>

24. The new Roget's thesaurus in dictionary form / N. Lewis (ed.). – N.Y.: G.P. Putnam's Sons; A Berkley Book, 1978. – p. 496.

25. Wiemer-Hastings K., Xu Xu. Content Differences for Abstract and Concrete Concepts // Cognitive Science. – № 29. 2005. – P. 719 – 736.

ABSTRACT NOUNS AS A LINGUISTIC PROBLEM IN THE ENGLISH LANGUAGE

E. V. Pupynina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
pupynina@bsu.edu.ru*

Abstract nouns form a considerable part of the vocabulary of any language. The article describes distinctive features of English abstract nouns due to which they have special status in the language. It discusses the role of this class of words in synonymy and communication.

Key words: abstract nouns, synonymy, English, concept, pragmatics.